СМЕНА

№12 ДЕКАБРЬ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ 2015

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Клода Моне, одного из вождей импрессионизма, называли «Рафаэлем воды», «первооткрывателем цвета». Сегодня он — признанный гений, его картины украшают лучшие музеи мира, они стоят баснословных денег на аукционах. Но сам он всегда был к себе невероятно требователен, и однажды, будучи уже признанным мэтром, уничтожил более тридцати своих полотен…

- Ирина Опимах
  - Нимфеи Клода Моне, или Роман с кувшинками

Ирина Опимах

14 ноября 1840 родился Клод Оскар Моне.

Нимфеи Клода Моне, или Роман с кувшинками

14 ноября 1840 года у парижского бакалейщика Клода-Огюста Моне родился сын. При крещении ему дали имя Оскар, которое он в семнадцать лет поменял на Клода. Вскоре Моне переехали в Гавр — у мсье Клода-Огюста была здесь своя лавка. Море, гавань, суда, толпы народа, пестрота одежд, суета разноязычной толпы — все эти образы детства позже нашли место на полотнах Моне.

Клод рано взял в руки карандаш. Его едкие шутливые рисунки, неожиданно для родителей, имели большой успех — соседи Моне и другие обитатели Гавра с удовольствием покупали их в ближайшей писчебумажной лавке. Первым учителем Клода стал пейзажист Эжен Боуден. Он высоко оценил карикатурный дар юного Клода и посоветовал ему попробовать себя в изображении ландшафтов. Но что такое Гавр — провинция! Все интересное происходит в столице, и Клод собрался в Париж. Родители совсем не приветствовали решение сына, но что делать с этим упрямцем? В Париже Клод сразу поступил в Академию Сюисса, где познакомился с другими такими же начинающими художниками, как и он сам.

Но долго наслаждаться новой жизнью ему не пришлось — его призвали в армию, на два года в Алжир. В 1862 году Клод заболел лихорадкой, и, к счастью, его комиссовали. Вернувшись в родительский дом, он полгода приходил в себя после болезни и суровых армейских буден. В Гавре он встретился и подружился с Иоганном Бартольдом Ионгкиндом, оказавшим на него огромное влияние и своим художественным стилем, и отношением к искусству. Именно Ионкиндт показал Моне, что только под

открытым небом, на пленэре можно уловить тончайшие движения воздуха, жизни, природы.

Вернувшись в Париж, Клод записался в школу Глейра. Он был замечательным учителем, но, к сожалению, приверженцем классической манеры, а его учеников влекло совсем иное. Они — ниспровергатели всего традиционного, официального. Моне, этот смутьян и бунтарь, однажды подбил своих приятелей-соучеников поработать в Шайо, вне стен их мастерской. Потом они писали море в Онфлере.

Неожиданно для всех, приятель Моне Базиль продал две картины Клода, а еще две картины, выставленные в Салоне 1865 года, сделали Моне знаменитым. Окрыленный успехом, Клод работал как безумный, а тут еще в его жизнь пришла любовь — он познакомился с восемнадцатилетней Камиллой-Леонсией, дочерью весьма небедного господина Донсье. Роман Клода и Камиллы стал основой сюжета известного романа Золя «Творчество». Художники, друзья Моне, сочли этот роман гнусным пасквилем и рассорились с писателем, своим бывшим приятелем.

А неугомонный Моне задумал новое полотно, которое должно потрясти парижскую публику, — «Завтрак на траве», композиция которого вторит известному «Завтраку на траве» Мане, только вот у Клода все персонажи должны быть одеты. Однако картину пришедшие на вернисаж не увидели — ее пришлось отдать хозяину дома в Шайо в уплату за жилье. Судьба у картины оказалась довольно грустной — позже, по совету Курбе, Моне разрезал полотно на три части. Сохранились правая и центральная части, а куда делась третья, никто не знает.

Моне работал много, но при этом оставался практически нищим. После первых успехов его работы перестали брать на выставки, официальный Салон, законодатель моды в живописи, его решительно не принимал. Мелкие стремительные мазки, внезапные вспышки света, лишенные четких очертаний фигуры — все это так далеко от привычных картин модных художников.

Он страшно нуждался, пришлось даже вернуться в родительский дом, а беременная Камилла осталась в особняке господина Донсье.

В 1868 году у Клода и Камиллы родился сын Жан. Молодым родителям было очень трудно, и на помощь пришли друзья — Мане давал ему деньги, Ренуар и Базиль покупали продукты. А Моне — он, как всегда, трудился дни и ночи, разрабатывая новые приемы изображения света, движения воды. Он хорошо понимал новаторское, революционное значение своих живописных открытий. «То, что я делаю, хорошо уже тем, что ни на кого не

похоже», — писал художник.

В 1870 году Камилла и Клод соединились законным браком, и приданое жены дало возможность семейству Моне безбедно прожить пять лет. В эти годы он создал свои лучшие работы: «Поле маков», виды Сены и чудесный «Бульвар капуцинок». Эта поразительная картина сохранила дух Парижа 1870-х, запечатлела мир очаровательных парижанок, мир моды и блеска, газетных новостей и театральных сенсаций, бульвар, по которому прогуливались Мериме, Бальзак, Дюма. Среди работ тех лет и самая известная картина — «Впечатление. Восход солнца». Это полотно, показанное в 1874 году на знаменитой выставке «Анонимного общества живописцев, художников и граверов», вызвавшей грандиознейший скандал и разруганной всеми парижскими критиками, дало название целому направлению в живописи — импрессионизму.

Первым оценил и стал покупать картины Моне умный и практичный Поль Дюран-Рюэль, известный в Париже маршан и настоящий ценитель живописи. С 1881 года он делал это постоянно, однако не забывал и о своей выгоде. Купив у Моне «Уголок сада в Монжероне» и «Стог сена в Живерни», торговец заплатил художнику 300 франков, а продал эти две картины русскому коллекционеру И. Морозову за 5000 франков! Но, так или иначе, Дюран-Рюэль помогал Моне выкарабкаться из нищеты. Он же познакомил его с Эрнстом Ошеде, известным финансистом, меценатом и издателем газеты «Искусство и мода». Ошеде, искренний поклонник творчества Моне, пригласил художника пожить в своем доме. Семейства Моне и Ошеде подружились, и когда в 1878 году Эрнст разорился, они вместе сняли дом в Вейтеле.

Тем временем Моне без устали продолжал искать свой путь в искусстве. Теперь его занимал аналитический подход к реальности, он изучал природу и показывал мир в разных состояниях, словно препарируя его и пытаясь осмыслить.

Постепенно ему удалось выбраться из нищеты — его картины покупали, и уже никто не ругал его в газетах. Но жизнь художника не щадила — тяжело заболела Камилла, за которой заботливо ухаживала Алиса Ошеде, к этому времени уже овдовевшая. А когда Камилла умерла, именно Алисе удалось утешить потерянного, несчастного Клода, в 1892 году она вышла за него замуж.

Через год Моне смог купить дом в Живерни — на полпути между Парижем и Руаном — и поселился там вместе со своим большим семейством — Алисой и детьми, своими и Ошеде. Ему очень нравился этот уголок сельской Франции. «Мое сердце

навечно в Живерни», — признавался Клод. Здесь, среди удивительных по красоте ландшафтов сельской Франции, он формировал ту среду обитания, которая, как ему казалось, приближалась к некоему идеалу. Он создавал свой сад, как картину, только вместо красок ему служили настоящие цветы, которые Моне тщательно отбирал по оттенкам, иногда смешивал, а иногда разделял на отдельные островки. «Это лучший из моих шедевров», — гордо говорил он друзьям о своем саде, а Марсель Пруст писал о нем так: «Сама природа становится картиной, освещаемой внимательным глазом художника. Этот чудесный и гармоничный сад — самый первый эскиз или готовая к работе палитра».

Моне обожал свой сад. Как-то утром он появился перед своими домочадцами ужасно расстроенным. С неподвижным взглядом, небрежно одетый, с жутким выражением лица — он напоминал раненого зверя.

— Что с вами случилось? У вас неприятности? Да скажите же, наконец, что произошло? — спросили его.

— Ничего, говорю вам, ничего! — отвечал Клод, а потом вдруг остановился и закричал: — Случилось непоправимое! Вчера была буря! У меня в саду сломались два дерева! Понимаете? Два дерева! Это больше не мой сад! — И, расхаживая взад и вперед, продолжал бормотать: «Это больше не мой сад, это больше не мой сад».

Но это был его сад, и в этом саду был роскошный пруд — ради него Моне пришлось упросить местного префекта «осуществить перенос русла небольшого притока Эпты, известного как „общественный ручей“ и протекающего по принадлежащему мне участку земли». После различных экспертиз, работы специальной комиссии, установки водозапорных устройств Моне все-таки получил роскошный пруд. Длинный, с изломанными краями, с мостиком в японском стиле, окаймленный плакучими ивами и раскидистыми тополями, весь покрытый кувшинкам и лилиями. Вот эти кувшинки и лилии, его нимфеи, и стали излюбленными моделями Моне на несколько лет. В 1900 году в галерее Дюран-Рюэля были выставлены десять полотен серии «Пруд с кувшинками». Но и потом эти цветы не переставали быть темой художника. Дождливым летом 1903 года он писал: «Работаю как одержимый, урывая время между двумя ливнями. Пока это всего лишь наброски, но, надеюсь, мой труд принесет плоды». Работе мешал не только дождь — кто только не хотел увидеть знаменитого художника, поговорить с ним. Особенно много было американцев — в Живерни побывали почти все известные американские художники-импрессионисты.

В 1904 году Моне создал около десятка полотен, запечатлевших кувшинки Живерни. 1907 год тоже прошел под знаком нимфей. Ранним утром, с первыми лучами солнца, Моне устанавливал мольберт на берегу своего пруда и начинал работу. Нимфея — капризное создание, не любит ни дождя, ни ветра, а стоит летнему солнцу чуть склониться к горизонту, как сразу закрывает от всех свою красоту, складывая лепестки.

— Давайте в этом году снова устроим большую выставку нимфей, — предложил художнику Дюран-Рюэль и неожиданно получил твердое «нет».

Аргументы были таковы: мастеру казалось, что эти полотна весьма посредственны. Он всегда был очень требователен к себе и готов был разорвать в клочки свои картины, если они ему не нравились. Однажды один из гостей Моне, зайдя в сад, увидел поднимавшиеся к небу густые клубы дыма. «Мсье, что это — пожар?» — спросил испуганный гость. «Да, — ответил Моне, — пожар. Великий пожар». И тут гость увидел костер, в котором догорали куски холстов. «Пример мне подал еще Мане, — объяснил происходившее художник. — После его смерти антиквары прямо-таки набросились на его картины, хватали все подряд, вплоть до черновых набросков. Этого-то я и боюсь, а потому предпочитаю уничтожить своими руками все, что мне не нравится». И он уничтожил более тридцати своих полотен.

Сколько готовых картин с изображениями нимфей погибло тогда, в 1908 году, под ударами его ножа, сколько сгорело в костре… Отдельные фрагменты, к счастью, спас сын художника Мишель. Ведь неудачи большого мастера порой тоже очень интересны. После этого действа Моне написал Дюран-Рюэлю, что случившееся «наконец-то освободило его», и теперь он сможет по-настоящему приступить к работе. «Пусть это выше моих стариковских сил — (а он всегда делал то, что выше его сил) — но я очень хочу передать на холсте то, что чувствую. Какие-то работы я уничтожил, … к каким-то другим вернулся… надеюсь, после стольких трудов из этого все-таки что-то выйдет».

Прошел год, и в Париже в галерее Дюрана открылась выставка Моне. На ней было показано 48 великолепных картин с кувшинками. Это был настоящий триумф! Парижские критики с восторгом отмечали, что в эпоху Бергсона, Пикассо и Дюшана «как-будто не принято говорить, что художники должны изобретать новые чувственные измерения. Но Моне сделал именно это». А посетители выставки просто наслаждались красотой, сотворенной на холсте великим импрессионистом.

Моне посчастливилось дожить до того времени, когда его

творчество получило признание не только во Франции, но и во всем мире. Цена на его полотна достигала 40 тысяч франков, по всей Европе проходили его персональные выставки.

У этого человека было какое-то удивительное мужество, кажется, он мог преодолеть все, что посылала ему судьба. Ему пришлось похоронить двух жен (Алиса умерла в 1911 году), старшего сына Жана (в 1914 году), пережить всех своих друзей-импрессионистов, но дух его не был сломлен. А главное, он по-прежнему активно работал! И снова моделями стали его любимые кувшинки. Он писал серию монументальных «Декоративных панно с кувшинками» в специально построенной для этой цели просторной мастерской, с верхним освещением. Во время Первой мировой войны Моне, истинный патриот, объявил, что передаст эту серию панно в дар Франции. (Но они окажутся в музее уже после смерти художника: Моне до последних дней не хотел расставаться с этими работами, они очень много для него значили.) А потом судьба нанесла ему еще один удар — стали слабеть глаза. Катаракта. Что может быть страшнее для художника! На его последних картинах видно, как не хватает ему прежнего чувства света и цвета. Операция, на которую он решился в 1923 году, принесла лишь временное и незначительное улучшение. «Я буду рисовать, даже став окончательно слепым — ведь глухой Бетховен мог сочинять музыку!» — заявлял Моне. Никто не имел права отобрать у него кисти и краски, даже болезнь, даже старость…

Клод Моне умер 5 декабря 1926 года, в своем любимом Живерни, созданном им самим для себя и своих близких. Там же он и был похоронен, как просил — без шумихи и официальных лиц, так, как хоронят французских крестьян. «Не хочу заставлять друзей печалиться, провожая меня в последний путь. Главное, запомните — не надо никаких цветов, ни венков. Это все пустая суета. Да и жалко мне губить цветы. Им место в саду». Даже перед смертью он думал о своем саде, о своих цветах.

А уже через полгода в «Оранжери» торжественно открылась экспозиция «Декоративных панно с кувшинками». Кое-кто из критиков писал: «Работа старика», «В картинах чувствуется усталость». Простим их, может, где-то они и правы, но какое наслаждение испытывает каждый, оказавшийся в этой, как называют сегодня «Оранжери», Сикстинской капелле импрессионизма, какое счастье побывать в прекрасном, живом мире любимых нимфей Моне. Его роман с кувшинками продолжается…